

Особенные приемы построения правовых механизмов на примере Уголовного уложения 1903 г.

Аннотация. Статья посвящена особенным приемам, которые использовались законодателем с целью построения правовых механизмов института государственных преступлений. Исследованию подвергаются положения Уголовного уложения 1903 г., в частности главы 3 и 5. Подобным приемам в научной литературе было уделено относительно немного внимания. По этой причине их изучение, выявление соответствующей специфики и свойств, приведение характеристики, а также присвоение им наименований отвечает требованиям научной новизны.

В статье изучены два особенных приема, примененных в Уголовном уложении 1903 г. Они были выявлены в ходе исследования и сопоставления нескольких статей, содержащих формулировки преступных составов. Им были даны названия «абсолютизация тяжести преступления» и «присвоение наказуемого статуса», которое является юридической фикцией.

Ключевые слова: преступление, правовой институт, законотворчество, методы, приемы, Уголовное уложение, абсолютизация, наказуемый статус, правовое регулирование, юридическая техника.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.019-023

Приемы законотворчества, нормотворчества, формирования правовых механизмов, которые находят свое отражение в дореволюционных нормативных правовых актах, представляют интерес для изучения в правовой науке, в первую очередь в науке истории государства и права. Стоит отметить недостаточную степень исследованности проблематики такого рода, что, несомненно, придает ей актуальность для современной науки и практики законотворчества. Подобным особенным методам в литературе уделялось относительно немного внимания, потому что исследование правовых норм дореволюционных законодательных актов с целью выявления

соответствующих приемов, их изучение, приведение характеристики и присвоение им наименований с выявлением их свойств отвечает требованиям научной новизны.

Следует обратиться к нормам Уголовного уложения 1903 г. История создания данного акта была непростой. В министерствах усилия по подготовке к коренной реформе уголовного и сопутствующего законодательства начались с середины 60-х гг. XIX в.

Затем проекты Министерства внутренних дел и Министерства юстиции были рассмотрены в особой комиссии при Государственном совете. Высочайшим повелением 30 апреля 1881 г. был образован под главным руковод-

© Воробьев А. С., 2016

* Воробьев Алексей Сергеевич, аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Экспертного совета при комиссии Московской городской Думы по экологической политике
vorobalex1991@yandex.ru
127994, Россия, г. Москва, ул. Петровка, д. 22

ством главноуправляющего II отделением и министра юстиции Комитет для разработки проекта нового уголовного уложения¹.

Хотя проект нового уложения планировалось подготовить за 3–4 года, работы затянулись. 10 февраля 1903 г. проект был рассмотрен общим собранием Государственного совета, а 22 марта 1903 г. последовало Высочайшее утверждение нового Уголовного уложения императором².

Уголовное уложение 1903 г. (далее — Уложение 1903 г.) стало последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом материального уголовного права в дореволюционном праве. На содержании Уложения 1903 г. и его судьбе отразились как особенности последних десятилетий существования Российской империи, так и организация законотворческой деятельности в это время³.

Важно отметить, что вступление в силу Уложения 1903 г. было отложено, но в действие вводились новые главы и статьи, содержащие составы политических преступлений. Законом 1904 г. были введены в действие статьи о бунте против верховной власти, о государственной измене, о смуте, относящиеся к государственным преступлениям⁴. Институт государственных преступлений переживал в тот период определенные изменения, которые были вызваны как внутривнутриполитическими, так и внешнеполитическими факторами. Была очевидна тенденция усиления ответственности за государственные преступления⁵.

В полном объеме данный документ действовал лишь на территории Латвии, Литвы и Эстонии⁶.

При этом действующим нормативным актом в области уголовного права вплоть до 30 ноября 1918 года оставалось Уложение 1845 года⁷.

Глава третья Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома» (ст. 99—107) предусматривает наказания за наиболее серьезные государственные преступления.

Статья 99 Уложения 1903 г. предусматривала наказание за посягательство на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность императора, императрицы и наследника престола, на свержение императора с престола, лишение или ограничение его власти, под которым признавалось как совершение данного деяния, так и покушение на него.

Для выявления особенного метода построения правовых механизмов необходимо изучить несколько последующих статей с целью их сопоставления друг с другом и со ст. 99.

Так, ст. 100 Уложения 1903 г. устанавливает смертную казнь за насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части образа правления или порядка наследования престола, а также на отторжение от России какой-либо ее части. Часть 1 ст. 101 развивала правовое регулирование предыдущей статьи и предусматривала, что за приготовление к указанным в ст. 100 деяниям полагается наказание в виде каторги на срок не более десяти лет. А часть 3 ст. 101 развивала правовое регулирование ст. 99, устанавливая наказание в виде смертной казни за приготовление к совершению деяний, наказуемых по ст. 99.

Таким образом, можно отметить интересную особенность. И статья 99, и ч. 1 ст. 100 Уложения 1903 г. предусматривали в качестве наказания за основной преступный состав смертную казнь. Из первичного анализа данных правовых норм можно сделать вывод, что законодатель тем самым указывает на то, что оба данных преступления равны по уровню

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : В 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 105.

² См.: Указ. соч. С. 105.

³ См.: Российское законодательство X—XX веков : Тексты и комментарии: в 9 т. / ред. О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1994. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 240.

⁴ См.: Исаев И. А. История России : Правовые традиции. М. : Юрис, 1995. С. 191—198.

⁵ См.: История государства и права России / отв. ред. Ю. П. Титов. М. : Былина, 1996. С. 260.

⁶ См.: Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 1. Общая часть : Учение о преступлении. С. 21.

⁷ См.: Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб. : Питер, 2005. С. 35.

тяжкости. Однако если за приготовление к деяниям, предусмотренным ст. 99, закон также предусматривал смертную казнь, то за приготовление к преступлению, состав которого сформулирован в ч. 1 ст. 100, — не смертную казнь, а каторгу на срок не более 10 лет.

Это говорит о том, что хотя ст. 99 и ч. 1 ст. 100 предусматривают в качестве наказания смертную казнь, законодатель тем не менее отмечает своего рода «абсолютность тяжести» деяния, наказуемого по ст. 99. Потому даже за приготовление к совершению такого деяния предусмотрена смертная казнь. В случае же с преступным составом ч. 1 ст. 100 такой «абсолютности тяжести» нет, и за приготовление к совершению соответствующих деяний предусмотрено более мягкое наказание.

Этот принцип был реализован и в других статьях данной главы. Так, статья 102 Уложения 1903 года обеспечивала более подробную, нежели в редакциях Уложения 1845 года, регламентацию наказуемости участия в сообществах, созданных с целью совершения преступлений лично против императора и его семьи (то есть деяний, предусмотренных в ст. 99) и с целью осуществления насильственного посягательства, наказуемого по статье 100. При этом стоит отметить, что за участие в сообществе, имеющем целью совершение посягательств лично на императора и его семью, были предусмотрены более серьезные наказания, чем за участие в сообществе, образовавшемся для совершения деяний, предусмотренных в статье 100. Таким образом, «абсолютизация тяжести» преступлений против императора, императрицы и наследника престола прослеживается и в этой норме.

Изучение последующих статей приводит к выводу о том, что и при их составлении законодатель исходил из принципа «абсолютности тяжести» личных посягательств против императора, императрицы и наследника престола.

Данный прием, который можно назвать абсолютизацией тяжести преступления, характерен для юридической техники того времени. Используя его, законодатель подчеркивает особое отношение к такому преступлению, как посягательство лично на императора и (или) императрицу и наследника престола. Разница в наказуемости привилегированных составов означает, что преступные посягательства против императора, императрицы и наследника

престола законодатель видит более тяжкими — в чем и выражается «абсолютизация тяжести» данного преступления.

Второй особенный метод можно выявить при изучении главы 5 «О смуте» Уложения 1903 года, нормы которой осуществляли комплексное правовое регулирование, заступающее множество действий, связанных с терроризмом. Под «смутой», о которой речь шла в названии главы 5 Уложения 1903 года, законодатель в то время понимал весьма широкий спектр деяний, в который входили различные категории.

Статьи 124—127 Уложения 1903 г. содержат группу преступных составов, относящихся к термину «смута». Ключевым признаком данной группы является участие в различных противозаконных сообществах — при разных обстоятельствах.

В статье 124 установлено наказание для виновных в участии в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке. Данный преступный состав является основным.

Статьи 125 и 126 содержат квалифицированные составы, которые отличаются от основного наличием у соответствующего сообщества определенных заведомо поставленных целей, наличие которых увеличивает степень опасности, исходящей от таких сообществ.

Статья 127 также входит в одну группу с ст. 124—126. В части 1 данной статьи предусматривается наказание за своего рода пассивное пособничество и невоспрепятствование совершению преступлений, предусмотренных в трех предыдущих статьях, в случаях, когда это напрямую зависело от виновного.

Речь идет о наказании за допущение лицом собрания заведомо противозаконного общества (любого из указанных в ст. 124—126) в помещении либо месте, принадлежащих ему или состоящих в его управлении или заведывании. Такое лицо подлежало наказанию как участник общества. Специфика данного состава заключается в том, что он предполагает действия, совершаемые лицом, которое может фактически не являться участником сообщества и даже не поддерживать его активными действиями. Тем не менее человек, который пусть и пассивно, но совершил пособничество деятельности такого общества, допустив (посредством действия или бездействия) его собрание в помещении или месте, которым владел, управлял или за

которое отвечал, приравнивается в целях определения для него меры наказания к участнику общества. Фактически такое лицо оказало поддержку незаконному сообществу, потому в целях назначения наказания ему присваивается статус участника сообщества — при том, что законодатель понимает, что такое лицо далеко не всегда может быть именно участником сообщества.

Данный прием законодательной техники можно назвать «присвоением наказуемого статуса». Этот прием выражается в наделении лица юридически значимым уголовно-правовым статусом (участника сообщества), который позволяет назначить для него соответствующее этому статусу наказание. При этом данный прием не следует ошибочно считать презумпцией, то есть предположением, которое будет считаться истинным, пока его ложность не будет доказана. В данном случае даже прямое доказательство того, что человек, допустивший указанным путем собрание заведомо противозаконного сообщества, не является его участником, вовсе не будет отменять того, что он будет подвергнут наказанию как участник такого сообщества. Этот прием можно считать относящимся к категории юридических фикций. Профессор Л. А. Морозова определяет юридическую фикцию как положение, изначально лишённое истинности, однако признаваемое законодательством в качестве существующего и ставшее в силу такого признания общеобязательным⁸. В данном случае «присвоение нака-

зуемого статуса» участника сообщества сопряжено с пониманием законодателя фиктивности такого действия, которое тем не менее было необходимо для адекватного реагирования на совершаемое деяние, которое очевидно причиняет ущерб государству, правопорядку и обществу самим фактом такого рода помощи, пособничества незаконному сообществу (при этом активным или пассивным, то есть действием или бездействием является данное допущение собрания сообщества, роли не играет).

Таким образом, в части 1 статьи 127 Уложения 1903 г. законодатель создал юридическую фикцию, предписав назначать наказание для указанных лиц как для участников соответствующих незаконных сообществ.

По итогам данного исследования можно сделать вывод о применении законодателем двух особенных методов:

- 1) «абсолютизация тяжести преступления» — установление более серьезных наказаний за привилегированные преступные составы, относящиеся к первому основному преступному составу, в сравнении с привилегированными составами, основной состав, относящийся к которым предполагал такое же наказание, как и первый;
- 2) «присвоение наказуемого статуса» — юридическая фикция, выражающаяся в наделении лица юридически значимым уголовно-правовым статусом (участника сообщества), который позволяет назначить для него соответствующее этому статусу наказание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* История России: Правовые традиции. — М. : Юкис, 1995. — 320 с.
2. История государства и права России / отв. ред. Ю. П. Титов. — М. : Былина, 1996. — 504 с.
3. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М. : Зерцало, 2002. — Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении. — 624 с.
4. *Морозова Л. А.* Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособ. — М. : Эксмо, 2009. — 288 с.
5. Российское законодательство X—XX веков : Тексты и комментарии : в 9 т. / ред. О. И. Чистяков. — М. : Юридическая литература, 1994. — Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — 352 с.
6. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. — СПб. : Питер, 2005. — 560 с.
7. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.

Материал поступил в редакцию 14 мая 2015 г.

⁸ См.: *Морозова Л. А.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособ. — М. : Эксмо, 2009. С. 216.

SPECIAL METHODS OF LEGAL MECHANISMS FORMATION AS ILLUSTRATED BY THE CRIMINAL CODE OF 1903

VOROBYOV Aleksey Sergeevich — Post-graduate student of the Department of History of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Member of the Expert Council of the Moscow City Duma Commission on Environmental Policy.

vorobalex1991@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article is devoted to a number of specific methods that were used by the law-makers to form a legal framework of the Institute of Crimes against the State. The paper subjects the provisions of the 1903 Criminal Code to examination. In particular, the author scrutinizes the Third and the Fifth Chapters of the Act. Examination of the rules reveals a number of special methods of scientific significance employed by law-makers for legal regulation and forming specific legal mechanisms. In the scientific literature such methods and approaches have been given relatively little attention. For this reason their examination, identification of specific features and peculiarities, characterization, as well as giving titles to them meet the requirements of scientific novelty.*

The article examines two special methods applied in the 1903 Criminal Code. They were defined during the study and comparison of a number of articles that provide the definitions of elements of crimes. The author gives the following titles: absolutization of gravity of a crime and assignment of a punishable status that is a legal fiction.

Keywords: *crime, Law Institute, lawmaking, methods, techniques, Criminal Code, absolutization, punishable status, legal regulation, legal methodology.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Isayev I. A. Istoriya Rossii: Pravovyye traditsii.* — M. : Yukis, 1995. — 320 s.
2. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii / otv. red. YU. P. Titov.* — M. : Bylina, 1996. — 504 s.
3. *Kurs ugolovnogo prava : v 5 t. / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy.* — M. : Zertsalo, 2002. — T. 1. Obshchaya chast' : Ucheniye o prestuplenii. — 624 s.
4. *Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava v voprosakh i otvetakh : ucheb. posob.* — M. : Eksmo, 2009. — 288 s.
5. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X—XX vekov : Teksty i kommentarii : v 9 t. / red. O. I. Chistyakov.* — M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. — T. 9 : Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiy. — 352 s.
6. *Rossiyskoye ugolovnoye pravo. Obshchaya chast' / pod red. V. S. Komissarova.* — SPb. : Piter, 2005. — 560 s.
7. *Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo : lektsii. Chast' obshchaya : v 2 t.* — M. : Nauka, 1994. — T. 1. — 380 s.